

И. В. КУКЛИНА

ТРАКТАТ «О ВОЗДУХЕ, ВОДАХ, МЕСТНОСТЯХ»
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ СКИФОВ

В составе дошедшей до нас античной традиции о Северном Причерноморье, среди произведений раннего времени особое место занимает приписываемый Гиппократу медицинский трактат *Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων* (О воздухе, водах, местностях). Он ставит вопрос о влиянии климата на человеческий организм и, кроме чисто медицинских рассуждений, содержит некоторые сведения из области этнографии. В частности, несколько его глав посвящены скифам. Именно это и привлекает к трактату внимание археологов и историков-античников, особенно историков Северного Причерноморья.

Задача настоящей статьи — выяснить, в какой мере произведение это может использоваться как источник по истории скифов.

Περὶ ἀέρων... входит в состав так называемого Гиппократовского сборника, который представляет собой конгломерат произведений различных авторов, различных направлений, и выделить из них подлинного Гиппократа — задача очень трудная. Она решается с большей или меньшей степенью вероятности. Первый комментатор трактата А. Корэй считал автором этого произведения самого Гиппократа.¹ Э. Литтре также называет автором Гиппократа и приписывает этнографические познания, встречающиеся в трактате, непосредственным наблюдениям автора.² У. Виламовиц был первым, кто показал последовательно и логично, что *Περὶ ἀέρων*... не принадлежит перу самого Гиппократа.³ К этому мнению потом присоединилось большинство исследователей.

¹ A. Coray. *Ἱπποκράτους Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων* I—II. Paris, 1800.

² E. Littré. *Oeuvres complètes d'Hippocrate*. Paris, 1839—1861, t. I, p. 332 etc.; t. II, 1 etc.

³ U. von Wilamowitz-Moellendorf. *Die Hippokratische Schrift Περὶ ἰρῆς νόσου* Sitzungsberichte der königlich-preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, phil.-hist., Kl. I, 1901, p. 16 ff. Виламовиц сравнил

Датировку трактата пытались дать Виламовиц, В. Али и Г. Диллер. Первый на основании того, что автор трактата противопоставляет эллинскую свободу варварскому деспотизму и рабству, относил трактат к перикловекому времени.⁴ В. Али датировал трактат 425/20 гг. до н. э., подкрепив свою точку зрения филологическим анализом и отдельными аргументами из истории умственных течений.⁵ Г. Диллер точнее, чем В. Али, на основании более широкого историко-философского анализа датирует трактат временем около 400 г. до н. э.⁶

Трактат отчетливо делится на две части: в первой (главы 1—11) даются советы врачу, прибывшему в незнакомую ему местность, относительно болезней, которые можно ожидать в данном месте в зависимости от климата, ветров, местоположения, качества вод и т. д. Вторая (главы 12—24) посвящена Азии и Европе, их отличию друг от друга и особенностям различных народов, их населяющих. Этнографические экскурсы второй части трактата касаются макрокефалов (длинноголовых),⁷ жителей реки Фасис и, что особенно важно для нас, скифов. Таким образом, трактат имеет выходящее за границы чисто медицинского содержания и представляет большой интерес.

В западной литературе много внимания уделялось композиции и построению трактата и больше голосов получила та точка зрения, согласно которой обе части *Περὶ ἀέρων*... являются самостоятельными произведениями; мнения разделились лишь по вопросу о том, написаны ли они обе одним автором или разными.⁸

Нет нужды останавливаться подробно на этих разногласиях, так как они не имеют прямого отношения к интересующему нас

Περὶ ἀέρων... с *Περὶ ἰρῆς νόσων* и с I и II книгами Эпидемий (последние, несомненно, принадлежат перу Гипократа) и пришел к выводу, что автор *Περὶ ἀέρων*... тождествен автору *Περὶ ἰρῆς νόσων* и не имеет ничего общего с автором Эпидемий. Об этом же, по его мнению, свидетельствует разница географических горизонтов в этих произведениях.

⁴ U. von Wilamowitz-Moellendorff. Die Hippokratische Schrift..., p. 20 ff. Подобные противопоставления возникли в конце V в. и окончательно оформились в IV в. до н. э. См.: И. А. Шишова. Воззрения древних греков на порабощение эллинов. В кн.: Рабство на периферии античного мира. Л., 1968, стр. 8 сл.; С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 46 сл.; H. Diller. Hellenen-Barbaren—Antithese. Grecs et barbares. Entrétiens sur l'antiquité classique, t. VIII, Genève, 1961, p. 50 ff.

⁵ W. Aly. Formprobleme der frühen griechischen Prosa. Philologus, Supplementband, XXI (1929), 3, S. 52 ff.

⁶ H. Diller. Wanderarzt und Aitiologe. Studien zur Hippokratischen Schrift *Περὶ ἀέρων, ὀδάτων, τόπων*. Philologus, Supplementband XXVI (1933), 3, S. 61 (Anm.), 64, 65, 89, 114.

⁷ Какой именно народ имеет в виду автор, неизвестно, так как обычай удлинения головы посредством бинтования существовал у очень многих племен.

⁸ См.: L. Edelstein. *Περὶ ἀέρων*... un die Sammlung der Hippokratischen Schriften. *Problemata*, 1931, Heft, 4, S. 59; H. Diller. *Wanderarzt und Aitiologe*, SS. VI, 27 ff., 106.

сейчас вопросу. В данной статье вторая часть *Περὶ ἄερων*... рассматривается как произведение законченное, посвященное такой интересной проблеме, как влияние географических факторов на человеческую природу.⁹

Естественно, что этнографические экскурсы привлекли внимание исследователей, и в первую очередь вызвало интерес описание скифов, занимающее в трактате значительное место (главы 17—22). Автор дал о скифах довольно подробные сведения, причем описал и их внешность, и физическое строение: скифы имеют своеобразный цвет кожи, который греки называют *πυρρόν* (гл. 20), лица у них широки и мясисты, все они друг на друга похожи, тело у них лишено растительности (гл. 19) и т. п.

Все эти сведения долгое время воспринимались в историографии как вполне реалистические. По мнению ряда исследователей XIX—начала XX в. (Нибур, Нейманн, Маннерт, Ф. Мищенко, М. К. Фот и другие¹⁰), описание это вполне соответствует монгольскому типу. *Πυρρόν* эти исследователи переводили как «желтый». Разумеется, это не было единственным доказательством в руках сторонников теории монгольского происхождения скифов; они отмечали также грубость и жестокость скифов, сходство некоторых скифских обычаев с обычаями урало-алтайских народов, и, наконец, Нейманн сделал попытку найти этимологию скифских слов в урало-алтайских языках.¹¹ Попытка эта не привела к убедительным результатам: это показал уже Шифнер,¹² прекрасный знаток алтайских языков.

Против теории монгольского происхождения скифов решительно выступили исследователи, настаивавшие на иранском их происхождении: Цейс, Мюлленгоф, Куно, Шпигель, Боннель, Шафарик, В. Миллер, А. Лаппо-Данилевский и другие.¹³

⁹ K. Trüdinger. Studien zur Geschichte der griechisch-römischen Ethnographie. Basel, 1918, S. 37 f.

¹⁰ Niebuhr. Über die Geschichte der Skythen, Goten und Sarmaten. (Kleine historische und philolog. Schriften), 1828; K. Neumann. 1) Die Völker des südlichen Russlands. 1847; 2) Die Hellenen im Skythenlande. 1855; Mannert. Geographie der Griechen und Römer. Der Norden der Erde. IV. Teil, 1820; H. Kierpert. Lehrbuch der Alten Geographie. Berlin, 1878; Ф. Мищенко. К вопросу о царских скифах. Киевская старина, IX, 1884; М. К. Фот. О скифском вопросе. Труды XIII археол. съезда в Екатеринославе под редакцией гр. Уваровой, т. I, 1905, стр. 96—117.

¹¹ K. Neumann. Die Hellenen im Skythenlande. I, Berlin, 1855.

¹² См.: Schifner. Sprachliche Bedenken gegen das Mongolenthum der Skythen. Mélanges asiatique, T. 2. 1856. SS. 531—547.

¹³ Zeuss. Die Deutschen und die Nachbarstämme, 1837; Müllenhoff. 1) Deutsche Alterthumskunde, T. II; 2) Über die Sprache und Herkunft der pontischen Skythen und Sarmaten. Monatsberichte d. kg. Pr. Akad., 1866; Шафарик. Славянские древности. Перевод Бодянского, 1848; E. Meyer. Geschichte des Alterthums, B. I, 1884; J. Cuno. Forschungen im Gebiete der Alten Völkerkunde, 1871; В. Миллер. Осетинские этюды. Уч. зап. Моск. унив., вып. VIII, отд. ист.-филолог., 1887; А. Лаппо-Данилевский. Скифские древности. СПб., 1887.

Эти ученые прежде всего критически отнеслись к описанию скифов в *Περὶ ἄερων*. . . Впрочем, они не высказывали сомнений в реальности содержащихся в трактате этнографических описаний. Они лишь отметили, что автор трактата характеризует скифов в чрезмерно общих и неопределенных чертах, чтобы можно было делать на основании этой характеристики столь далеко идущие выводы. При этом Куно¹⁴ указывал, что *πυρρόν* в трактате может означать лишь красный цвет, так как связывается с действием холода (*διὰ τὸ ψῦχος*), следовательно, ничего о монгольском происхождении скифов не говорит. Ту же мысль высказали Вс. Миллер и А. Лаппо-Данилевский. Они обратили внимание на то, что *πυρρόν* в греческом языке может означать все оттенки от желтого до красного, но в контексте (*διὰ τὸ ψῦχος*) не может означать желтизну, так как ее никак нельзя объяснить действием мороза.¹⁵

Что касается сходства скифов друг с другом, то это, по наблюдениям А. Лаппо-Данилевского, нередко отмечается античными авторами и по отношению к другим народам, например германцам, и объясняется разными причинами.¹⁶ Добавим, что автор отмечает такое же сходство у египтян (главы 18, 19). Далее А. Лаппо-Данилевский подчеркивал, что о недостатке волос на теле сообщает не только автор трактата относительно скифов, но и Гален относительно кельтов, германцев и фракийцев, причём Гален и скифов относит к этой группе народностей.¹⁷

Неубедительны и ссылки сторонников монгольского происхождения скифов на грубость их нравов: здесь вслед за Вс. Миллером и всеми исследователями, доказывавшими иранство скифов, следует повторить, что «примеры не меньшей жестокости и грубости нравов можно указать и у народов индоевропейских в их докультурном состоянии, особенно же жестокости, связанной с религиозными представлениями и культом».¹⁸ Человеческие жертвоприношения, как известно, существовали в древности у многих индоевропейских народов: греков, германцев, кельтов, римлян, литовцев и других.¹⁹ «Вообще нет такой черты жестокости и зверства, которая была бы исключительно свойственна монгольским народам и чужда индоевропейским», — пишет Вс. Миллер.²⁰

В конечном счете теория монгольского происхождения скифов потеряла всех своих сторонников и окончательно сошла со сцены.

¹⁴ J. C u n o, Forschungen. . . I. Teil, S. 228.

¹⁵ Вс. Миллер. Осетинские этюды, стр. 119—120; А. Лаппо-Данилевский. Скифские древности, стр. 10.

¹⁶ Felix D a h n. Urgeschichte der germanischen und römischen Völker, V. I. Berlin, 1884, S. 32—33; Tacit., Germ., 4.

¹⁷ G a l e n. De temperamento, 64. Ukert. Geographie der Griechen und Römer, III, 2, 1846, S. 287—288.

¹⁸ Вс. Миллер. Осетинские этюды, стр. 119.

¹⁹ Там же (ссылка).

²⁰ Там же.

Со времени выхода в свет (в 1925 г.) «Скифии и Боспора» М. И. Ростовцева в нашей литературе прочно утвердилось мнение, что автор трактата черпал этнографический материал из непосредственных наблюдений над описываемыми народами.²¹ Книга эта, не со всеми положениями автора которой можно согласиться,²² остается единственным полным обзором античных литературных источников по Северному Причерноморью, до сих пор не устаревшим и не утратившим своего значения.

Автора *Περὶ ἄερων*... М. И. Ростовцев безоговорочно относит к реалистическому направлению, ставит в один ряд с Геродотом и называет «жемчужиной ионийской наблюдательности», «ярким показателем их (ионийцев) живого чутья действительности, основанным на личном общении с изучаемыми народами».²³

Авторитет автора «Скифии и Боспора» способствовал тому, что взгляд этот был принят многими советскими учеными; вот что, например, пишет А. П. Смирнов, прямо ссылаясь на «Скифию и Боспор» М. И. Ростовцева: «Гораздо более реальным и правдоподобным является сообщение Гиппократа, писавшего независимо от Геродота».²⁴ А. П. Смирнов использует чисто медицинские рассуждения автора *Περὶ ἄερων*... как одно из основных доказательств классового расслоения и рабства в скифском обществе.²⁵ Некритически использует автора *Περὶ ἄερων*... и Б. Н. Граков в своем «Каменском городище на Днепре».²⁶

Даже такой осторожный в своих выводах ученый, как С. А. Жебелев, присоединился к точке зрения М. И. Ростовцева,²⁷ что можно объяснить прочно утвердившейся репутацией последнего как крупнейшего знатока источников по Северному Причерноморью античной эпохи. Правда, в статье «Геродот и скифские божества» С. А. Жебелев отметил, что «однородность сведений, сообщаемых об энареях и Геродотом, и автором трактата, не может подлежать сомнению».²⁸

В западной литературе о месте трактата в истории античной прозы было высказано совершенно иное мнение. Еще К. Трюдин-

²¹ Ср.: Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства, I. Л., 1925, стр. 258.

²² См. рецензии И. Бороздина (Новый Восток, 13—14, 1926, стр. 428 сл.) и С. Н. Быковского (Историк-марксист, 11, 1929, стр. 180 сл.), а также: Д. П. Каллистов. Античная литературная традиция о Северном Причерноморье. Истор. записки, 16 (1945), стр. 183 сл.

²³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор, стр. 22.

²⁴ А. П. Смирнов. Рабовладельческий строй у скифов-кочевников. М., 1935, стр. 22.

²⁵ Там же, стр. 22—23.

²⁶ МИА, 36, 1934, стр. 19а, 20а.

²⁷ С. А. Жебелев. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 260.

²⁸ С. А. Жебелев. Геродот и скифские божества. Сб. «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 34—35.

гер высказал мысль, что материал второй части *Περὶ ἀέρων*... стоит в русле ионийской *ἱστορίη*, как мы ее находим у Геродота, и является мостиком к утерянной этнографической литературе ионийцев.²⁹ Более четко эту мысль провел В. Али, исследуя стиль ионийской прозы.³⁰

Впервые³¹ Г. Диллер четко высказал мнение о том, что автор трактата получил свой эмпирический материал из вторых рук, нашел его в предшествующей литературе.³²

Таким образом, позиции западных и наших исследователей относительно трактата были прямо противоположны.

Правда, в 1945 г. в «Исторических записках» появилась статья Д. П. Каллистова, где он отметил, что нет никаких оснований относить автора этого медицинского трактата к реалистическому направлению, так как в трактате совершенно явно выступает намерение автора подобрать эмпирические доказательства к выдвинутому им самим теоретическому положению о влиянии климата на физическое состояние организма и его функции. Отсюда, по мнению Д. П. Каллистова, и вытекают пространные рассуждения автора о причинах чрезвычайного изобилия у скифов влаги в нижней части живота, о необычайно плодотворном действии прижигания отдельных частей тела на общее состояние их пропитанных сыростью организмов, о причинах широко распространенной импотенции скифских мужчин и бесплодия их женщин и т. п. Приводимые тут же реальные сведения о жизни и быте скифов могли быть почерпнуты автором из какого-либо надежного путешественника его времени.³³

Тем не менее в нашей литературе по-прежнему бытовало мнение М. И. Ростовцева о личном опыте автора *Περὶ ἀέρων*... и его независимости от предшествующей литературы.

Так, Б. Н. Граков в статье «*Γυναικοκρατορμενοι*»³⁴ пишет, что автор медицинского трактата *Περὶ ἀέρων*... независим от Геродота,³⁵ сообщения отца истории и автора трактата он объявляет «классической традицией Геродота и псевдо-Гиппократа».³⁶ Причем совершенно необоснованно Б. Н. Граков относит трактат к рубежу VI и V вв. до н. э., тогда как годы жизни самого Гиппократа — 460—377 гг. до н. э., а Гиппократовский сборник составлялся при его жизни и позднее, в основном в IV в. до н. э.

²⁹ K. Trüdinger. Studien. . ., S. 34 ff.

³⁰ W. Aly. Formprobleme. . ., S 47 ff.

³¹ Хотя уже Ф. Якоби сравнивал материал автора *Περὶ ἀέρων*... с геродотовским, чтобы выяснить, какие из его сведений восходят к Гекатею. См.: RE PWK, VII, 2680, 2700.

³² H. Diller. Wanderarzt und Aitiologie, SS. 30, 36, 41, 76 ff., 79 ff.

³³ Д. П. Каллистов. Античная литературная традиция. . ., стр. 185 сл.

³⁴ Б. Н. Граков. *Γυναικοκρατορμενοι*. ВДИ, 3, 1947, стр. 100 сл.

³⁵ Там же, стр. 100.

³⁶ Там же, стр. 101.

В своей книге «Скифы», вышедшей также в 1947 г., Б. Н. Граков несколько уточняет время возможного создания трактата, приурочивая его к V—IV вв. до н. э. Но основную свою точку зрения на автора *Περὶ ἄερων*... Б. Н. Граков повторяет и здесь.³⁷

Существуют в нашей археологической литературе и разногласия, вызванные различным толкованием трактата. Так, например, Н. В. Анфимов в статье «К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху» считает, что и Геродот, и автор *Περὶ ἄερων*... локализируют савроматов в одном и том же месте — около Меотиды.³⁸ А К. Ф. Смирнов на основании тех же самых данных утверждает, что «не позже конца V в. до н. э. часть савроматов перешла на правую сторону Дона».³⁹

При таком состоянии историографии безусловно назрел вопрос о более обстоятельном разборе и анализе этнографической части трактата, для того чтобы выяснить, в какой мере это произведение может быть использовано как источник для знакомства со скифами и Северным Причерноморьем. В этой связи важно сначала рассмотреть вопрос об общей теоретической направленности этой части трактата и о достоверности других имеющихся в ней сведений.

Автор, как уже упоминалось, поставил перед собой задачу проследить влияние климатических перемен на внешность и нравы людей. Эти теоретические установки выражены автором с достаточной ясностью на протяжении глав 12, 15, 16, 19 и изложены систематически в главах 13, 23 и 24. Суть их сводится к следующему: резкие перемены времен года вызывают большое разнообразие во внешности людей, стимулируют храбрость и воинственность, большую склонность к труду и даже дикие и зверские нравы. Когда же времена года немного отличаются друг от друга, это способствует тому, что люди внешне похожи друг на друга, ленивы, трусливы, неспособны переносить трудности и в большинстве случаев кроткого нрава. «Большей частью внешность людей и (их) нравы отражают природу страны» (*ἐπὶ τὸ πλῆθος τῆς χώρας τῆ φύσει ἀκολουθοῦντα καὶ τὰ εἶδεα τῶν ἀνθρώπων καὶ τοὺς τρόπους*) — так формулируется автором главная мысль трактата.⁴⁰ Трудно при этом согласиться с Г. Диллером, когда он утверждает, что в трактате нет определенной теории,⁴¹ допуская лишь с небольшой долей вероятности теорию о влиянии климата на внешность людей.⁴² Что не только внешность, но и

³⁷ См. также: Очерки по истории СССР, 1956, раздел «Скифы и греки в Северном Причерноморье» (автор М. И. Артамонов), стр. 296; К. Ф. Смирнов. Савроматы. М., 1964, стр. 5, 189.

³⁸ Сов. археология, XI, 1949, стр. 241 сл.

³⁹ Проблема происхождения ранних сарматов. Сов. археология, III, 1957, стр. 18.

⁴⁰ Под «трактатом» здесь и далее подразумевается его вторая часть.

⁴¹ H. Diller. Wanderarzt und Aitiologie, SS. 30, 69.

⁴² Там же, стр. 33.

нравы людей очень интересуют автора, доказывает его внимание к закону или обычаю — νόμος, который, по его мнению, не в меньшей мере, чем времена года, влияет на нравы.

В подтверждение этого автор описывает (в гл. 14) народ макрокефалов (длинноголовых). Он стремится на примере этого народа показать, что обычай может изменять природу: у макрокефалов те, кто имеет самые длинные головы, считаются и самыми благородными. Отсюда пошел обычай бинтовать головы у новорожденных, чтобы мягкие еще кости росли не в ширину, а в длину. Затем уже природа пришла на помощь обычаю, так как «если от лысых рождаются лысые, а от голубоглазых — голубоглазые и т. д., то что препятствует, чтобы от макрокефала рождался макрокефал?». «Впрочем, сейчас они уже не рождаются в таком виде, как прежде, так как обычай уже утратил прежнюю силу вследствие общения людей» (гл. 14). Таким образом, природа, после того как обычай утратил свою силу, вновь вернулась к своей прежней форме.

Как уже упоминалось, неизвестно, о каком народе идет здесь речь. Экскурс носит явно выраженный теоретический характер. Сопоставление природы и закона, степень их влияния на человека составляли, как известно, излюбленную тему для рассуждений современного автору софистически образованного общества. Автор трактата, как видно, не стоит в стороне от этого движения и дальше не раз останавливается на человеческих установлениях.

Например, отсутствие мужества у азиатов он объясняет не только умеренностью времен года, но и законами, «так как большая часть Азии управляется властью царей» (гл. 16).

Наоборот, жители Европы воинственны не только по природе и в силу частых климатических перемен, но также и благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты (гл. 23). «Таким образом, законы немало значат для величия духа», — таков вывод автора (ὅπως οἱ νόμοι οὐχ ἥκιστα τὴν εὐψυχίην ἐργάζονται — гл. 23).

Теоретическая направленность трактата проявляется достаточно ясно. Приведенный в трактате этнографический материал призван как бы подвести эмпирический базис под выдвинутые теоретические положения, причем автор сам подчеркивает, что он хочет говорить об Азии и Европе с точки зрения их противоположности во всем (начало 12-й главы) и что его интересуют только те народы, которые сильно различаются между собою или по природе, или по обычаю (ἢ φύσει, ἢ νόμῳ); те же народы, которые мало отличаются друг от друга, он оставляет, по его собственным словам, без внимания (гл. 14).

Это стремление проследить διαφοραὶ и τὰ διαλάσσοντα (различия) повсюду выступает в трактате (главы 12—14, 16, 17, 23, 24). Даже там, где само это слово не встречается, характерное сопо-

ставлениями изложение говорит само за себя: макрокефалы имеют головы, каких не встретишь ни у какого больше народа (гл. 14), азиаты менее воинственны, чем европейцы (гл. 16), скифы из всех народов наименее плодovиты, и их земля производит самых незначительных животных (гл. 18) и т. д. Автор стремится проследить наиболее противоположные формы, потому что, по его собственным словам, исходя из них, следует рассматривать и все остальное (конец гл. 24).

Вот почему, как заметил еще Виламовиц,⁴³ он использует для этой цели, с одной стороны, Египет и Ливию,⁴⁴ а с другой — Черноморское побережье — две климатические противоположности.

Кроме макрокефалов, автор в соответствии с поставленной им задачей описывает также жителей реки Фасис (колхидян). Им посвящена вся 15-я глава. Автор называет местность по реке Фасису болотистой, теплой и влажной, так как там всегда идут частые и сильные дожди. Фасис же — самая стоячая из всех рек. Плоды, которые там рождаются, не созревают из-за сырости. Густой туман, поднимающийся с воды, обнимает всю страну. Люди пьют теплую, стоячую и разбавленную дождями воду, поэтому они очень высокого роста, чрезвычайно толсты, у них не видно ни одного сустава, ни одной вены; они бледно-желтого цвета, как будто болеют желтухой. И говорят они самым грубым голосом, потому что вдыхают сырой и туманный воздух. Для упражнения тела они слишком ленивы. Времена года у них мало отличаются друг от друга. Жители имеют тростниковые и деревянные дома, устроенные на воде, редко посещают города и рынки и передвигаются по многочисленным каналам на выдолбленных из дерева лодках.

Заслуживает ли доверия этот экскурс и можно ли в данном случае говорить о непосредственном общении автора с описываемым им народом?

Нельзя не заметить, что конкретные этнографические сведения о жителях занимают незначительное место, а основное изложение как бы иллюстрирует влияние влажного, туманного и однообразного климата на внешность и нравы людей. При этом автор исходит из изложенных им в трактате (см. гл. 24) теоретических посылок, например о том, что жители влажных долин, пьющие болотную и дождевую воду, высоки ростом, толсты и мясисты, дух имеют немужественный и кроткий, вялы и ленивы, неспособны к искусствам и т. п.

⁴³ Lesebuch, S. 200 ff.

⁴⁴ В конце 12-й главы имеется пробел. Несколько оставшихся от этого пробела строк и проводимое в дальнейшем противопоставление скифского народа египетскому позволяют судить о том, что речь шла именно о Египте и Ливии.

Нетрудно выявить и некоторые неточности, которые свидетельствуют, что автор наш сам на Фасисе не был.⁴⁵ Так, Фасис он называет самой стоячей из всех рек. Однако Страбон (XI, 2, 17) свидетельствует, что Фасис — большая судоходная река, принимающая в себя притоки, текущие с соседних гор, и что жители сплавляют по реке лес, в изобилии имеющийся в стране. Страбон также отмечает, что страна эта болотистая (в устье рек и на побережье — I, 3, 7 и XI, 2, 17), но замечательная своими плодами, она производит все, кроме меда. Благоприятная природа страны не раз была отмечена античными авторами.⁴⁶

Жители выделывают льняное полотно, пеньку, добывают воск и смолу (Herod, II, 105; Strabo, XI, 2, 17).

Высказыванию автора *Περὶ ἄερων...* о том, что жители реки Фасиса пьют загнившую от солнца и разбавленную дождями воду, можно противопоставить сообщение Арриана (*Peripl. Pont. Eux.* 10) о чрезвычайной легкости и чистоте воды Фасиса. Она, как пишет Арриан, «не гниет и остается неиспорченной даже более десяти лет».

Наконец, автор трактата пишет, что жители имеют бледно-желтый цвет кожи, как будто болеют желтухой, тогда как Геродот дает о них совершенно противоположные сведения: это чернокожие и курчавые люди, родственные египтянам, так как они потомки войска египетского царя Сезостриса, совершившего поход в Европу и оставившего египетский отряд на Фасисе (II, 103—105; ср.: Strabo, I, 3, 24).

Таким образом, в этом экскурсе множество противоречий, и следует исключить мысль о личных наблюдениях автора трактата. Отдельные мелкие детали о тростниковых домах и выдолбленных из дерева лодках никак не связаны с последующим изложением и вовсе не требуют личного знакомства автора с описываемым народом.

Мы можем сделать вывод, что сведения о макрокефалах и колхидянах вряд ли могут быть использованы как источник для знакомства с народами Северного Причерноморья и что конкретный материал (хотя невозможно при нынешнем состоянии источников установить, откуда именно он почерпнут) подогнан с натяжками под общетеоретические установки автора.

Необходимо проверить, действителен ли этот вывод и для скифского экскурса, занимающего центральное место в трактате (главы 17—22) и вызывающего наибольший интерес у историков Северного Причерноморья.

Скифы как этнический комплекс выделены автором в Европе и противопоставлены египтянам (главы 18, 19).

⁴⁵ Вопреки утверждению Диллера. [H. Diller. *Wanderarzt und Aitiologe*, стр. 79, 80 (прим. 123)].

⁴⁶ E. Diehl. *Phasis*. RE RWK, XIX, 1891—1892.

Соответственно своей теоретической установке автор и при описании скифов обращает главное внимание на времена года, на внешность и нравы людей. Он сообщает нам, что Скифия представляет собой безлесную, хорошо орошенную равнину, наклонную к северу и ничем не защищенную от постоянных северных ветров. Вследствие этого у скифов почти непрерывная зима, а лето — в самые немногие дни, да и то не очень жаркое (гл. 19); целый день над равниной густой туман, перемены времен года мало отличаются друг от друга, а вследствие этого и люди имеют вид, схожий между собой; они пользуются всегда одинаковой пищей, зимой и летом одеты в одну и ту же одежду, вдыхают воздух сырой и густой, пьют воду из снега и льда и не занимаются физическими упражнениями, ибо «не могут ни тело, ни дух упражняться там, где не происходят сильные перемены» (гл. 19). Скифы настолько слабы, что даже не могут натянуть плечом лук или бросить дротик (ὄπὸ ὑγρότητος καὶ ἀτονίης — вследствие влажности и слабосилия, гл. 20).

Далее следуют подробные рассуждения о пользе прижиганий для слабых скифских организмов, о мягкости и холодности животных у скифов, о малой плодовитости скифов, об импотенции скифских мужчин и бесплодии их женщин (гл. 21). Вся 22-я глава посвящена описанию так называемой «женской болезни» скифских мужчин.

Таким образом, большую часть скифского экскурса занимают пространные рассуждения о влиянии холода и влажности на человеческий организм, причем автор делает некоторые насилия над фактами, хорошо нам известными и засвидетельствованными древними; так, автор сделал небольшую натяжку, подчеркивая слабость (ἀτονία) скифов. А ведь храбрость и воинственность скифов были уже тогда достаточно известны греческому миру, и это засвидетельствовано Геродотом в его «Истории» (см. I, 103—105; IV, 1, 20 и весь рассказ о скифском их походе Дария в IV книге). О военной силе скифов говорят их победоносные походы на Лидию и территории других древневосточных обществ вплоть до Египта.⁴⁷ Наконец, мы имеем свидетельство Аристофана⁴⁸ об использовании скифов в качестве полицейских в Афинах, что также свидетельствует об их физической силе.

Однако автор дает и реальные сведения о жизни и быте скифов, хотя и отводит им совсем немного места (гл. 19): скифы, ко-

⁴⁷ См.: Б. Б. Пиотровский. 1) Скифы в Закавказье. Уч. зап. ЛГУ, вып. 13, 1949, стр. 172—189; 2) История и культура Урарту. Ереван, 1944, стр. 295—325; А. И. Мелюкова. Античная литературная традиция о скифской непобедимости. КСИИМК, XXX, 1949, стр. 110; В. В. Струве. Дарий I и скифы Причерноморья. В кн.: Очерки по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, Л., 1968, стр. 103 сл.

⁴⁸ Lys., V, 184; Thesm., XIV, 66.

торых называют номадами, живут в повозках, самые малые из которых на четырех, а остальные — на шести колесах; они обтянуты войлоком, но есть и сделанные наподобие домов; повозки служат защитой от дождя, снега и ветра. Тянут их две или три пары безрогих быков (рога у них не растут из-за холода). В повозках проводят жизнь женщины и дети, а мужчины едут на лошадях. За ними следуют стада овец, коровы и лошади. На одном месте они стоят до тех пор, пока для скота достаточно корма, а затем переходят на другое место. Питаются скифы вареным мясом, пьют кобылье молоко и едят гиппаку (конский сыр).

Можно ли считать, что эти сведения являются результатом «живого чутя действительности, основанного на личном общении с изучаемыми народами», как это предполагает М. И. Ростовцев? Скорее всего здесь надо дать отрицательный ответ.

Следует подчеркнуть, что автор трактата не сообщил ничего нового о скифах, за исключением разве того факта, что повозки у скифов бывают четырех- и шестиколесные. Все остальное гораздо подробнее можно найти у Геродота. Что Скифия представляет собой равнину, большей частью безлесную, хорошо орошенную многими реками, мы знаем из IV книги Геродота (IV, 20, 23, 47—49, 51—57, 82). Из этой же книги мы узнаем о скифах-номадах (19), об отсутствии у них домов и повозках, обтянутых войлоком (46, 75), о запряжении быков в повозки (69), о занятии скотоводством (120, 121, 130), о своеобразном скифском способе варения мяса (61), о выдаивании кобылиц и употреблении в пищу кобыльего молока (2),⁴⁹ о «женской болезни» скифских мужчин (I, 105; IV, 67). Подробно сообщает Геродот и о причинах отсутствия рогов у скифских волов: они не растут вследствие холода (IV, 29).

Геродот сообщает нам, что в Скифии 8 месяцев непрерывная зима и остальные 4 месяца холода (28). Почти то же самое говорит и автор *Περὶ ἄερων*...: почти непрерывная зима, и лето лишь в самые немногие дни и не очень жаркое (гл. 19).

Однородность сведений, разумеется, не дает нам возможности утверждать, что автор *Περὶ ἄερων*... попросту заимствовал их у Геродота. Думается, что даже подробный филологический анализ не сделал бы возможным подобное утверждение. Источником некоторых сведений трактата Ф. Якоби считают Гекатея.⁵⁰ Вероятно, в руках у автора могли быть и другие источники — один или даже несколько.

Но не только однородность сведений наводит на мысль, что этнографический материал заимствован у предшественников.

⁴⁹ О том, что скифы едят сыр из кумыса, мы знаем также от Эсхила (фр. 198 наук).

⁵⁰ F. Jacoby. *Hecataios*. RE PWK, VII, 2680, 2700.

Очень показательна в этом отношении схема расположения материала: география страны, обычаи народа, его особенности. Такую схему описания различных народов В. Али прослеживает у Геродота и Гелланика и считает общепринятой для ионийской научной прозы, хотя подчеркивает, что она не применялась механически и служила зачастую лишь методом описания.⁵¹

Подчеркивание особенностей описываемых стран и народов, как показал еще Э. Норден, относится к топике этнографии.⁵²

Можно согласиться с Г. Диллером, утверждающим, что этнографические сведения, содержащиеся в трактате, стоят совершенно в русле ионийской *ιστορίη*, что они заимствованы от предшественников.⁵³ Но цель, ради которой это делалось, вряд ли правильно понята Г. Диллером. Он относит вторую часть трактата к сочинениям этиологическим, т. е. излагающим определенные факты (которые, разумеется, вовсе не обязательно получать эмпирическим путем) ради последующего объяснения причинных связей между ними. Г. Диллер приходит к такому выводу, потому что не усматривает той определенной климатической теории, которая так недвусмысленно высказана автором, и не видит отрыва конкретных сведений о быте от дальнейших рассуждений о влажности организмов, хриплости или грубости голосов, неплодовитости и т. п. Этот отрыв ясно виден и в экскурсе о колхидах, и особенно о скифах. Об этом свидетельствуют и те натяжки, которые автор совершает, не желая нарушать стройности своей теории.

Особенно наглядно зависимость автора *Περὶ ἀέρων*... от предшествующей литературы выявляется в описании савроматов.⁵⁴ Женщины савроматов, как сообщает автор, ездят верхом, стреляют из лука, бросают копьа с коня и ведут войну с врагами до тех пор, пока не убьют трех врагов и не получают тем самым право выйти замуж. Вступив в брак, они бросают верховую езду, пока не настанет необходимость в общем походе на войну. Правой груди они не имеют, прижигая ее еще в детстве раскаленным медным инструментом, чтобы вся сила шла к правому плечу и руке.

О женщинах савроматов мы имеем также подробное описание Геродота (IV, 110—117) и краткие более поздних авторов — Диодора (2, 45, 3), Мелы (3, 34) и Евстафия (*Dionys. Perieg.*, 828; *Ptolem. Tetrabibl.*, II, 3). Данные последних отличаются друг от друга только большими или меньшими подробностями. Все поздние авторы упоминают об уродовании груди, все употребляют

⁵¹ W. Aly. *Formprobleme*..., S. 47 ff.

⁵² E. Norden. *Die germanische Urgeschichte in Tacitus' Germania*, S. 54 ff.

⁵³ H. Diller. *Wanderarzt und Aitiologe*, S. 30 ff., 69 ff.

⁵⁴ См.: Там же, S. 76 ff.

для обозначения этой операции глагол ἐπιχαίειν (adunitur у Мелы), как и Περὶ ἄέρων... , однако обоснование иное, чем в трактате: грудь мешала бы владеть оружием. Геродот вообще не упоминает об этой операции. Следовательно, поздние авторы черпали материал не из Περὶ ἄέρων... , но и не у Геродота. По Геродоту и Меле, амазонка не выходит замуж, пока не убьет одного врага, по Περὶ ἄέρων... — трех. Но и Геродот, и автор трактата характеризуют деятельность амазонок одними и теми же глаголами: τοξέειν, ἀχοντίζειν, ἰκπάζεσθαι. Вывод, который делает отсюда Г. Диллер,⁵⁵ представляется очень убедительным: автор Περὶ ἄέρων... и Геродот независимы друг от друга. Вероятнее всего, и он, и Геродот, и более поздние авторы восходят к одному и тому же оригинальному сочинению не позднее середины V в. до н. э.

О том, что автор черпал свои сведения не из непосредственных наблюдений над описываемыми народами, говорит и принятая им схема мирового деления, противопоставляющая скифов египтянам, а не эфиопам, как это было у Гомера. Эту же схему находим у Геродота и можем, как не без основания предполагает Г. Диллер,⁵⁶ считать ее решающей для V в. до н. э., так как уже со времени Гекатея о египтянах знали достаточно, а эфиопы по-прежнему оставались мифическим народом. Таким образом, автор трактата нашел схему мирового этнического деления уже готовой.

Еще более решительное подтверждение выдвигаемого здесь мнения о несамостоятельности автора трактата в этнографии заключается в следующем: даже там, где автор, казалось бы, выступает более всего как рационалист и реалист, т. е. в объяснении «женской болезни» скифских мужчин, он не обнаруживает ни личного знакомства со скифами, ни живого и непосредственного наблюдения над «больными».

Геродот (I, 106), первый сообщивший нам об энареях, считал, что эту болезнь наслало на скифов божество за оскорбление святынь. Наш автор, будучи врачом, не может согласиться с подобным объяснением болезни. Наоборот, он подчеркивает, что все болезни одинаково божественны в том смысле, «что всякая из них имеет свою собственную природу и ничто не делается вне природы» (гл. 22). Поэтому он приводит свое собственное объяснение этой болезни, кажущееся ему более естественным и правильным. Как главную причину он приводит постоянную верховую езду, побочные — сильные холода, ношение штанов и т. д.

Заболевание, вызванное постоянной ездой верхом, скифы, по словам автора, лечат следующим образом: они открывают обе вены позади ушей, при этом у них исчезает способность к деторождению, «так как вены около ушей — такого рода, что если

⁵⁵ Там же, стр. 77 сл.

⁵⁶ Там же, стр. 74 сл.

кто их надрежит, то подвергшиеся сечению становятся бесплодными» (гл. 22).

Наивное объяснение лечения этой болезни вскрытием вен за ушами и учение о том, что «большая часть семени из головы несется позади ушей в спинной мозг» (Περὶ γούνης, 2), а потому сечение вен за ушами приводит к потере способности деторождения, можно оставить на совести тогдашнего уровня медицины.

Заслуживает ли внимания наблюдение о вредном действии постоянной верховой езды и о том, что подобные болезни встречаются у тех народов, которые много и часто ездят верхом? Насколько удовлетворительно это рационалистическое объяснение, видно из того, что «болезнь», совершенно аналогичная скифской, встречается у племен, вовсе не знакомых с верховой ездой. Особенно показательны в этом отношении чукчи и камчадалы. У них «женская болезнь» связана с культом. Шаманы «под внушением божества» принимают одежду и образ жизни женщин, даже выходят замуж, женятся.⁵⁷ Подобные же описания камчадальских шаманов оставил нам С. П. Крашенинников.⁵⁸

М. И. Артамонов делает совершенно обоснованный вывод, что и у скифов объяснение появления энареев нужно искать вовсе не в патологических особенностях этого народа и не в противостественных пороках, а в закономерном развитии самого общества, в смене матриархальных порядков патриархальными, «которая в области культа неизбежно должна была вызвать различные способы приспособления нового строя к традиционным формам».⁵⁹ Отсюда «превращение» мужчин в женщин для того, чтобы выполнить в культе ту роль, которая раньше, в период матриархата, принадлежала исключительно женщинам. Это свидетельствует о пережитках еще не изжитых матриархальных отношений у скифов.⁶⁰

Таким образом, даже там, где автор трактата, казалось бы, выступает как рационалист, он все же не обнаруживает личного знакомства со скифами: факты он берет из вторых рук и дает им соответственно своим взглядам иное объяснение, которое, с точки зрения современного читателя, не выдерживает критики.

В подтверждение своей догадки о причинах «женской болезни» скифов автор указывает, что этой болезни подвержены богатейшие и благороднейшие скифы, а бедные люди меньше страдают ею, так как не ездят верхом. На самом деле это указание только подтверждает культовое происхождение «болезни», так как при начавшемся расслоении общества естественно, что именно

⁵⁷ См.: В. Богораз. Чукчи, т. II. Перевод с англ. Л., 1939, стр. 131 сл.

⁵⁸ Описание земли Камчатки, II, СПб., 1786, стр. 24.

⁵⁹ М. И. Артамонов. Антропоморфные божества в религии скифов. Археол. сб., вып. 2. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1964, стр. 86—87.

⁶⁰ См.: Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, 3, стр. 100—124.

знатнейшие (εὐγενέστατοι — благороднейшие) и богатые играют в культе первенствующую роль.

Наконец, необходимо отметить, что мысль о взаимосвязи климата и человеческого организма не чужда была уже Геродоту (см. I, 142; II, 35, 77; III, 106; IV, 28, 29; IX, 122). Так, говоря о благоприятном климате Ионии (I, 142), Геродот отмечает, что с ней не могут сравниться ни страны, лежащие выше или ниже, на запад или на восток, ибо одни из них страдают от холода и сырости, другие — от жары и засухи. Особенно характерно объяснение Геродотом того, что египтяне — самый здоровый после ливийцев народ (II, 77): именно благодаря климату, а точнее — постоянству погоды; «действительно, болезни у людей происходят большей частью от всякого рода непостоянства, главным образом от перемены погоды».

Еще более яркую параллель к *Περὶ ἀέρων*... находим в IX книге (122): «... в странах роскошных обыкновенно и люди бывают изнеженные: одной и той же земле не свойственно производить и достойные удивления плоды, и храбрых на войне людей».

Тем не менее детальная разработка и формулировка этой климатической теории должна быть поставлена в заслугу автору трактата. Положения о связи человеческого организма с природой встречаются и в других книгах Гиппократовского сборника,⁶¹ но нигде, кроме *Περὶ ἀέρων*..., мы не найдем климатических противопоставлений. В этом смысле трактат стоит особняком в сборнике.

Автор основывает свою теорию на противопоставлении климатических крайностей. В его произведении можно отметить две пары таких климатических крайностей: во-первых, Европа противопоставляется Азии, во-вторых, скифский народ противопоставлен египетскому. Можно, как считает Д. П. Каллистов,⁶² предположить, что по контрасту к скифской влажности и роли прижиганий в потерянной книге о Ливии и Египте речь шла о сухости тел у местных жителей, о влиянии этой сухости на отправление организмом его функций и, вероятно, о пользе вымачивания иссушенных жарой членов.

Для иллюстрации своей теории автор привлекал конкретный материал, заимствуя его из литературы того времени. Предположение о личном общении автора с описываемыми народами представляется неосновательным.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что трактат *Περὶ ἀέρων, ὑδάτων, τόπων* написан с целью защитить определенное теоретическое положение — о влиянии климата и законов на внешность и нравы людей, что произведение это не чуждо реторике (см. рассуждения о влиянии закона и обычая на нравы людей)

⁶¹ Ἐπιδημιῶν βιβλία ἐπτά особенно кн. I и III; *Περὶ ἰρῆς νοσοῦ*, 13; Ἀφορισμοί I, 2, 12, 15, 18; II, 22, 34, 54; III, 1—31.

⁶² Античная литературная традиция..., стр. 186.

и, вероятно, написано рукой одного из так называемых иатрософистов (*iатросοφιστής*), врачей-софистов, во множестве появившихся во времена Гиппократов.⁶³

Следовательно, неправомерно говорить о «классической традиции Геродота и Гиппократов», ставить автора трактата в один ряд с Геродотом. Как источник по истории Северного Причерноморья, по истории скифов произведение это нужно использовать с большой осторожностью и вполне доверять его сведениям следует лишь при наличии аналогий в других, более объективных источниках.

А. А. З И М И Н

ИЗ ТЕКСТОЛОГИИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО СПИСКА «ЗАДОНЩИНЫ»

Настоящая статья посвящена текстологическому анализу Кирилло-Белозерского (далее К—Б) списка Задонщины, являющегося не только древнейшим (70-е годы XV в.), но и представляющим, по мнению автора, первоначальную (Краткую) редакцию текста памятника.¹

Уже четверть века назад И. Н. Голенищев-Кутузов обратил внимание на черты сходства Слова о полку Игореве и Кирилло-Белозерского списка Задонщины, которых были лишены другие списки этого последнего памятника. Он привел шесть случаев совпадения между К—Б и Словом.² Позднее на эти же факты обратили внимание Р. О. Якобсон,³ Н. К. Гудзий (добавил еще пять случаев),⁴ В. Ф. Ржига (отметил двадцать пять случаев)⁵ и Д. С. Лихачев (добавил два новых к отмеченным Н. К. Гудзием).⁶ Наконец, совсем недавно А. В. Соловьев дважды опубликовал

⁶³ См.: В. П. Карпов. Гиппократ. М., 1936, стр. 72.

¹ Текст см. в сб. «Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла» (М.—Л., 1966, стр. 548—550).

² И. Н. Голенищев-Кутузов. Слово о полку Игореве и рукописи Задонщины. Сб. «Заметки к слову о полку Игореве», вып. 2, Белград, 1944, стр. 49—55.

³ *La Geste du Prince Igor*. New York, 1948, p. 316.

⁴ Н. К. Гудзий. По поводу ревизии подлинности «Слова о полку Игореве». Сб. «Слово о полку Игореве — памятник XII века», М.—Л., 1962, стр. 90—91.

⁵ В. Ф. Ржига. Слово Софония Рязанца о Куликовской битве. Уч. зап. Московск. гос. пед. института им. В. И. Ленина, т. 43, 1948, стр. 13—17.

⁶ Д. С. Лихачев. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? *Вопр. литературы*, 1964, № 8, стр. 141.